

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЧЕЛОВЕК ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ КАК АТРИБУТ СОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ МОСКВИЧЕЙ

Дарья Руслановна Лебедева
(dlebedeva@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Лебедева Д.Р. (2021) Человек экологический: повседневные практики заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 110–143. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.5>

Аннотация. Статья посвящена проблеме вовлеченности молодежи в повседневные экологические практики, направленные на сохранение и бережение окружающей среды. Активное переосмысление взаимоотношений природы и общества, нарастание экологических проблем и их публичное обсуждение стимулируют индивидов менять свои повседневные практики, встраивая их по принципу бережного, ответственного отношения к окружающей среде. В отличие от многих развитых стран, в России экологическая повестка находится на периферии общественных дискуссий и гражданской вовлеченности. Вместе с тем находится группа населения, более восприимчивая к экологическим проблемам и ценностям, проактивная в повседневной заботе об окружающей среде. В ней преобладают молодые люди до 30 лет, готовые прикладывать усилия во многом вопреки доминирующему в российском обществе дискурсу расточительного отношения к природе, слабо развитой экологической культуре и инфраструктуре. В связи с этим в работе поднимается вопрос о том, что, по представлениям молодых людей, толкает их участвовать в повседневной заботе об окружающей среде и встраивать практики в свою повседневность. Согласно цели исследования — реконструировать обоснования повседневных экологических практик молодых людей — оно реализовано в качественной методологии. Эмпирической основой стали материалы 26 полуструктурированных интервью с жителями Москвы 16–30 лет, собранных и проанализированных методом обоснованной теории. Данные показывают, что в представлениях молодых людей экологическая вовлеченность — важная моральная и прагматическая норма современного социального порядка, а осознанность в отношениях с окружающей средой, при сохранении риторики антропоцентризма, выражает хозяйственность как активную ответственность. Для молодых людей проэкологическая активность выступает атрибутом «хорошего человека» совре-

менности *homo ecologicus*, маркируя его ценностный комплекс и образ жизни. Через личные практики заботы об окружающей среде они обретают агентность, осмысляя себя и свое место в мире, конструируют субъектность в стремлении к описываемому идеалу современного социального актора.

Ключевые слова: инвайронментальная социология, экологические практики, экологическое поведение, агентность, субъектность, обоснованная теория, качественная методология.

Введение

На фоне актуализации проблематики разрушения окружающей среды в научном и публичном дискурсе к программам совместного централизованного регулирования экологических проблем активно присоединяются государства, некоммерческие организации и бизнес-корпорации (About UN Environment Programme). Вместе с тем сохранение окружающей среды невозможно без участия на микроуровне — со стороны индивидов.

Среди россиян, согласно опросам общественного мнения, также усиливается беспокойство по поводу ухудшения экологической обстановки в целом и в районе своего проживания (Глобальные проблемы экологии 2019; Проблемы окружающей среды 2020). В то же время уровень фактической вовлеченности населения в практики заботы об окружающей среде остается на довольно низком уровне (Забота об окружающей среде 2019). Это связано в том числе со слабой экологической культурой населения и незрелостью инвайронментальных установок (Курбанов, Прохода 2019). Кроме того, российское население в целом ориентировано на патернализм в заботе о себе и своем окружении. Согласно опросам общественного мнения, 42 % россиян возлагают ответственность за состояние окружающей среды на руководителей государств, тогда как роль обычных людей или предпринимателей признают 35 и 9 % россиян соответственно (Глобальные проблемы экологии 2019). Также россиянам менее свойственно, по сравнению с гражданами других европейских стран, верить в свои силы в сохранении окружающей среды (Atlas of European Values).

На этом фоне, как правило, говорят о том, что молодые группы населения более проэкологичны, поскольку для них характерна тревожность за состояние окружающей среды и восприимчивость к этой теме (#YouthStats...; Гудков и др. 2020: 27). Среди молодежи действительно меньше доля согласных с суждением *Для такого человека, как я, слишком сложно сделать что-нибудь существенное для сохранения окружающей среды* по сравнению со всеми россиянами в целом (Atlas of European

Values). Однако фактическое экологическое участие молодого населения в возрасте 18–30 лет остается довольно низким, особенно в бытовой сфере (Состояние экологии 2018). Так, молодежь значительно менее склонна экономить электроэнергию (46 %) и воду (46 %), использовать энергоберегающую бытовую технику или лампочки (43 %), как по сравнению с населением в целом, так и на фоне взрослых поколений. Проактивная молодежь оказывается также парализована общим патернализмом государства (Гудков и др. 2020: 62–63).

В работе ставится вопрос о том, какие смыслы приобретают повседневные практики заботы об окружающей среде среди молодых людей, когда стремление к заботе об окружающей среде для обеспечения устойчивого будущего сталкивается с рядом барьеров и противоречий, таких как патерналистические установки, инфраструктурные сложности и инструментальные цели заботы о природе (Экологический путь России 2019). По какой причине экологическая обеспокоенность и вовлеченность приобретают у проактивных молодых людей значение в повседневности? Какие внутренние осмысления побуждают их участвовать в повседневных практиках заботы об окружающей среде?

Для понимания того, могут ли молодые люди в российском контексте выступить прогрессивной группой населения, продвигающей проэкологическую ответственность общества, были изучены обоснования повседневной экологической активности молодых москвичей 16–30 лет с выраженными установками на заботу об окружающей среде. Ограничение объекта исследования жителями Москвы связано прежде всего с большей инфраструктурной подготовленностью столицы к экологической вовлеченности населения, что делает эту локальность пространством тестирования институциональных образцов для дальнейшего внедрения в других регионах России.

Выявление «близких-к-опыту» обоснований экологических практик исследования было реализовано в качественной парадигме анализа методом глубинного полуструктурированного интервью, что позволило уловить значимые для жизненного мира индивидов смыслы практик заботы об окружающей среде, раскрыв процесс их легитимации и конструирования (Волков, Хархордин 2008: 22). Такой фокус помог отойти от нормативной позиции, декларирующей «правильный» способ экологического участия населения, заглянуть за формальные представления о заботе об окружающей среде, транслируемые в официальном дискурсе. При этом качественная парадигма анализа позволила выявить обоснования практик заботы об окружающей среде, субъективно важных для молодых людей. Это кажется важным с позиции как теоретического, так и практического

исследования, поскольку меры по экологической модернизации общества нуждаются в адресном проведении, укорененном в множественных смысловых мирах и логиках обоснования индивидуальных практик.

Структура рассуждений работы следующая: сперва представлены ключевые способы концептуализации экологического действия и мотивов вовлеченности индивидов в заботу об окружающей среде. Во втором разделе изложены методологические основания исследования: основное предположение, развиваемое далее на собранном эмпирическом материале, обоснование метода сбора и анализа данных. Третий раздел посвящен изложению эмпирических данных, а в четвертом разделе предложено их теоретическое осмысление и обсуждение, предлагается развитие объяснительной схемы осмысления молодыми людьми повседневных практик заботы об окружающей среде. Заключительный раздел суммирует выводы исследования и предлагаются направления развития полученных результатов.

Теоретическая основа исследования

Вызванные индустриальной деятельностью человека глобальные экологические риски, их влияние на социальный порядок и повседневность привели к переосмыслению взаимоотношений человека и природы, поставив под сомнение их оппозицию и доминирование человека над окружающей природной средой (Beck et al. 1994; Pellow, Blehm 2013).

Согласно концепции «новой экологической парадигмы» (Catton, Dunlap 1978; Dunlap, Grieneeks, Rokeach 1983), восприятие и осмысление экологических проблем приводит к переориентации общественных ценностей окружающей среды. Отношения человечества с ней начинают мыслиться не как оппозиция, но как рефлексивный, бережный баланс, привлекающий во внимание самоценности природы и признание пределов экономического роста (Catton, Dunlap 1978).

Постматериальные ценности выступают значимым фактором экологической обеспокоенности (Inglehart 1995), связывая проблематику заботы об окружающей среде с дискуссиями об индивидуальной свободе, самовыражении, качестве жизни (Abramson, Inglehart 1995). Вместе с тем экологическая вовлеченность свойственна и носителям материальных ценностей, однако она обоснована ориентацией на безопасность, экономическую стабильность, экономическую рациональность (Dunlap, Mertig 1997).

На микроуровне в оформлении экологического поведения участвуют множественные мотивы, в том числе эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты инвайронментальных установок личности, неэкологические факторы, институциональные условия. Их стоит рассматривать

как рядоположенные, поскольку они комплексно формируют экологическую активность (Kollmuss, Agyeman 2002). Так, согласно теории «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm theory), ценности, побуждающие индивидов к позитивному отношению к окружающей среде, делятся на три типа: 1) биосферические (biospheric); 2) альтруистические (altruistic); 3) эгоистические (egoistic). В комплексе эти виды ценностной ориентации формируют экологическую обеспокоенность и стимулируют акторов к действию (Stern 2000). М. Шабанова (Шабанова 2019) на примере раздельного сбора мусора в России показывает, что фактическая вовлеченность в практики, даже если они связаны с эгоистическими мотивами и не воспринимаются как «искренние», постепенно вовлекают акторов в проэкологическую повестку.

Одним из механизмов вовлечения индивидов в экологические практики выступает теория малых дел (Soneryd, Uggla 2015). Простые решения, укорененные в значимых для акторов поведенческих паттернах, позволяют им участвовать в проэкологической деятельности на повседневном уровне и при этом акцентируют ценность индивидуальных усилий, тем самым поощряя проактивность.

Экологичное, или «зеленое», потребление как течение устойчивого потребления (например, минимизация потребления и отходов, выбор определенных марок и товаров, шеринговая экономика) становится значимым каналом проявления индивидом своей экологической и гражданской позиции (Chappells, Trentmann 2015). Будучи реакцией на активный экономический рост и индустриализацию, устойчивое потребление выступает индивидуализированным способом проявить бережное и сознательное отношение к окружающей среде (Welch, Warde 2015). Через «зеленую» структуру потребительского выбора и отказ от консьюмеризма, бойкотирование определенных благ или производителей индивиды приобретают голос и возможность индивидуально повлиять на экономическую ситуацию (Spaargaren 2003; Rudel et al. 2011). Потребитель через свое экономическое поведение проявляет гражданственность (*citizen-consumer*), выражает личные убеждения и политическую позицию (Welch, Warde 2010). Практики заботы об окружающей среде становятся для индивидов механизмом осознания себя и выстраивания идентичности (Spaargaren 2003).

В то же время, как утверждают исследователи, в теоретических и прикладных дискуссиях происходит переосмысление политики «зеленого выбора». Эта рамка преувеличивает вес индивидуального действия в экологической повестке (Maniates 2001). Конструирование ответственного потребителя и гражданина в охране окружающей среды становится

механизмом респонсибилизации и перекладывает на индивидов слишком большую долю ответственности за провалы рынка и политические решения в сфере охраны окружающей среды (Evans et al. 2017; Maniates 2001). Ответственность за охрану окружающей среды оказывается распределена между различными социальными акторами, консолидируя индивидуальную агентность и структурные предпосылки для ее реализации.

Для молодых людей особенно значимо использование индивидуалистических стратегий организации своей жизни и конструирования идентичности из большого числа различных паттернов поведения, социального взаимодействия, потребления (Ариф 2019). Отличительной характеристикой молодежи также оказывается ориентация на будущее в контексте ожидания и планирования жизненных шансов, поскольку их воспитание поддерживалось установками на процветание, тезисами о личном успехе и достижениях (Радаев 2019; Matza 2012). Будучи при этом обеспокоенными вопросами своей безопасности и благополучия, они воспитывают в себе ответственность, рациональность, предприимчивость. Что не менее важно, молодые люди активно вовлечены в актуальное информационное поле, и это поддерживает их открытость миру и инновационным практикам (Радаев 2019).

Вместе с тем, как показывают молодежные исследования в России, современным молодым людям свойственны установки на активное проявление гражданской ответственности, понимаемой как участие в позитивных просоциальных изменениях общества и окружающего мира к лучшему (Нартова 2019). Именно у молодых людей скорее встречается самодостаточность, внутренний локус контроля, активная защита своих интересов (Седова 2016).

Итак, значительный корпус социальных исследований по теме экологической проблематики посвящен личной ответственности, выявляемой ограниченный набор практик, поиску детерминант и внешних условий формирования инвайронментальных установок и поведения. При этом индивиды могут по-разному осмыслять свой социальный опыт исходя из жизненных ориентаций, контекста действия, рационализации для других. Поэтому необходимо с позиции понимающей социологии учитывать различия во внутренних смыслах практик в повседневном опыте индивидов, поскольку могут быть *интерпретирован(ы) по-разному, особенно в контексте повседневных дискурсов* (Аутио, Хейсканен, Хейнонен 2014: 19).

Рассматривая экологическое поведение индивидов как реакцию на обострение проблем окружающей среды, важно принимать во внимание, что риски социально конструируются и их восприятие варьируется

на индивидуальном и социетальном уровне. На уровне социальных систем риски интерпретируются согласно тем функциям, которые они выполняют для поддержания социального порядка. Через культуру и институты риски маркируют как маргинальные и опасные те феномены, которые угрожают предсказуемости жизни и устойчивости (Гаврилов 2007). Как отмечает Дуглас, «представления о загрязнении, которые тем не менее проявляются — необходимая опора социальной системы» (Дуглас 2007: 45). В контексте экологических проблем сама категория загрязнения и разрушения окружающей среды оказывается культурно обусловлена.

Также необходимо принимать во внимание, что обеспокоенность проблемами окружающей среды выступает результатом конструирования в публичном дискурсе и средством социального контроля (Buttel 2003; Rudel et al. 2011). Освещаемые в публичном пространстве аспекты проблемы, высвечиваемые значимости и их укорененность в жизненном мире индивидов — все это формирует восприятие феноменов как рискованных и направляет действия населения. Так, Дуглас говорит о том, что «...страхи загрязнения, будучи приняты за чистую монету, скрывают от нашего внимания другое зло и другие опасности» (Дуглас 2007: 46). Обеспокоенность проблемами окружающей среды становится маркером доминирующих ценностей и присущего сообществу «взгляда на мир» (Яницкий 2003). В частности, российское общество, по убеждению Яницкого, в силу фатализма и демодернизации экономики, характеризуется особым состоянием всеобщего риска, при этом природные ресурсы практически исчерпаны (Яницкий 2011).

Следуя интерпретативной парадигме анализа, фокусом исследования является субъективное маркирование актором практик как имеющих значимый эффект на окружающую среду в понимании индивидов. Позиция социального конструктивизма в определении практик позволит прояснить в работе механизмы воспроизводства и пересборки социальных смыслов заботы об окружающей среде. В этой связи под экологическими практиками понимаются осознанные действия индивида, направленные на бережное взаимодействие с окружающей природной средой (Dunlap, Grieneeks, Rokeach 1983; Stern 2000).

Предположение исследования

Обзор теорий позволил сформулировать ключевое предположение исследования, которое в дальнейшем легло в основу объяснительной схемы вовлеченности молодых людей в экологические практики. Центральная идея исследования состояла в том, что в современном обществе

антропоцентричные обоснования экологических практик становятся стартовой точкой для реальной вовлеченности в практики заботы о природе. Вероятно, в представлениях молодых людей экологическая ответственность и участие в практиках заботы об окружающей среде становятся одними из ключевых ценностей в современном социальном порядке, маркерами соответствия социальным ожиданиям и нормам. При этом молодые люди, вероятно, скорее ориентированы на западные образцы экологической осознанности и активности. Ожидалось, что такие качества молодых людей, как амбициозность, проактивность, ориентация на личный успех в будущем (Matza 2012; Радаев 2019), стимулируют их внутреннюю личную ответственность, работу над собой (Spaargaren 2003) и проявление гражданской позиции (Нартова 2019).

Также предполагалось, что ожидания внутренней, «искренней» заинтересованности в заботе об окружающей среде ставят в приоритет молодых людей моральные мотивы экологической активности, тогда как эгоистические и прагматические стимулы избегаются ими, а в отношении других людей осуждаются или даже вызывают явные конфликты (Stern 2000).

Методология исследования

Методология построения выборки

Поскольку целью исследования стало выявление обоснований практик заботы об окружающей среде и их субъективной значимости для индивидов в потоке повседневности, оно было реализовано в качественной парадигме, сфокусированной на глубинном описании и понимании феномена с позиции его конструирования в социальном пространстве (Charmaz 2006), что позволит пересобрать схемы осмысления экологических практик в повседневном опыте индивидов. Сбор и анализ эмпирических данных был осуществлен в соответствии с методологией обоснованной теории (Страусс, Корбин 2001).

Согласно традиции обоснованной теории была использована теоретическая выборка, позволяющая развивать объяснительную гипотезу, лежащую в основе исследовательского вопроса, на основе получаемых эмпирических данных и на уровне выборки развивать возникающие категории (Charmaz 2006: 96). Ядро выборки составили молодые жители Москвы 16–30 лет. На этапе входа в поле были использованы следующие критерии: вовлеченность в различные экологические практики (потребление; бытовая активность — экономия ресурсов, минимизация отходов, раздельный сбор бытовых отходов; публичный активизм; участие в со-

обществах, общественных движениях, НКО, студенческих организациях), район проживания в Москве, состав домохозяйства, гендер.

В ходе полевого этапа выборка корректировалась по мере теоретического насыщения и необходимости уточнения конкретных смысловых категорий, формальной наполненности групп и развития исследовательского вопроса. Гетерогенность выборки по описанным критериям обеспечила наиболее насыщенное описание практик и их внутренних смыслов.

Для более глубокой проработки исследовательского вопроса, контрастирования нарративов и дополнения данных экспертными оценками в выборку были также включены представители старших возрастов (65+); индивиды, не вовлеченные в экологические практики и равнодушные к повестке; эксперты в области экологии и природопользования.

Рекрутинг и сбор данных

Рекрутинг информантов был осуществлен преимущественно в социальных сетях «ВКонтакте», Instagram и Facebook. Для входа в поле использовались публичные страницы и сообщества в обозначенных социальных сетях, посвященные округам и районам Москвы, обсуждениям локальных проблем и повесток, экологической тематике и вопросам заботы об окружающей среде, университетским экологическим инициативам. В качестве информантов были отобраны авторы публикаций и комментариев под ними, которым в личные сообщения было отправлено приглашение принять участие в исследовании. Дополнительно был использован метод доступной выборки: в исследовании приняли участие знакомые информантов, отобранных на первом шаге. Смешивание стратегий построения выборки позволило избежать ошибки отбора исключительно активных в интернете индивидов, а также расширить ее не только целевыми носителями экологических практик, но и неэкологичными (или не осознающими себя экологичными) акторами, получить экспертную оценку экологической повестки в России.

Таким образом, эмпирической основой исследования стали материалы 26 полуструктурированных интервью. Структура итоговой выборки представлена в таблице 1, в которой обозначены наиболее важные характеристики информантов.

Метод сбора данных

Все интервью были записаны на диктофон с согласия информантов и затем затранскрибированы с помощью ПО MS Word. Была обеспечена полная конфиденциальность личных данных.

Таблица 1

Итоговая структура выборки

№	Ген-дер	Воз-раст	Состав д/х	Род деятельности	Вовлеченность в экологические практики
И1	ж	18	Живет с родителями	Студентка бакалавриата	Частично, ситуативно zero waste, собирает батарейки, крышечки, пластиковые бутылки
И2	м	22	Живет с подругой (эко-активистка)	Студент магистратуры, работает	PCO, популяризация (среди близких)
И3	ж	21	Живет с мамой	Студентка бакалавриата	PCO, zero waste как принцип, вынужденный максимализм, инициировала сбор вторсырья в университете
И4	ж	50	Живет с партнером	Работает в госсекторе	Ситуативно PCO, zero waste
И5	м	34	Живет с женой и дочерью (5 лет)	Эксперт (кандидат наук), занимается нацпроектом «Экология»	Помимо профессиональной деятельности, ситуативно zero waste, PCO, популяризация (YouTube)
И6	ж	21	Живет с родителями	Студентка бакалавриата	Ситуативно (повседневный отказ от пластика/упаковки/бумаги, собирает крышечки), потребление эко-брендов
И7	м	30	Живет один	Работает	Ситуативные практики, связанные со здоровьем, аккуратность в обращении с бытовым мусором
И8	ж	20	Живет с родителями	Студентка бакалавриата	PCO, ситуативно zero waste в потреблении, аккуратность в обращении с бытовым мусором
И9	ж	23	Живет с партнером	Студентка магистратуры; работает	Ситуативно PCO (собирает батарейки, крышки, пластиковые бутылки), zero waste, популяризация

Продолжение таблицы 1

№	Гендер	Возраст	Состав д/х	Род деятельности	Вовлеченность в экологические практики
И10	ж	20	Живет с родителями и сиблингами	Студентка бакалавриата, работает	Практически не вовлечена в эко-практики, ситуативно zero waste, отказ от пластика, потребление эко-брендов
И11	ж	23	Живет одна	Работает	Практически не вовлечена в эко-практики, только ситуативное и популярное zero waste потребление, отказ от пластика
И12	м	23	Живет в общежитии	Студент магистратуры; работает	PCO, ситуативно zero waste, вегетарианец, волонтер в «Собираторе», популяризация в близких кругах
И13	м	18	Живет в общежитии	Студент бакалавриата	PCO, ситуативно zero waste в потреблении, отказ от пластика
И14	м	20	Живет с отцом, мачехой и сиблингами	Студент; работает	PCO, ситуативно zero waste, отказ от пластика, потребление эко-брендов, популяризация среди близких
И15	ж	20	Живет в общежитии	Студентка бакалавриата	PCO, эко-активистка, веган, активный член экологической студ. организации
И16	ж	32	Живет с мужем и сыном (2 года)	Работает	PCO (Раздельный сбор, «Собиратор»), ситуативно zero waste, потребление эко-брендов
И17	ж	65	Живет одна	Пенсионерка	PCO ситуативно, воспринимает экологичность как аккуратность, популяризация среди близких
И18	ж	76	Живет одна	Пенсионерка	Ничего не практикует, экологичность воспринимает как чистоплотность

Окончание таблицы 1

№	Гендер	Возраст	Состав д/х	Род деятельности	Вовлеченность в экологические практики
И19	ж	18	Живет с родителями	Школьница (11 класс)	Активно вовлечена в РСО (муниципальные контейнеры, «Собиратор») и zero waste, минимизация потребления
И20	м	22	Живет с родителями	Студент бакалавриата; работает	Активно вовлечен в РСО (до пандемии COVID-19), ситуативно zero waste, автор подкаста об экологической вовлеченности
И21	м	22	Живет с родителями	Студент магистратуры; работает	PCO в течение нескольких месяцев, ситуативно zero waste, автор подкаста об экологической вовлеченности
И22	ж	23	Живет с мамой	Работает	PCO, zero waste
И23	ж	25	Живет с партнером	Работает	Ситуативно PCO, увлекается документальными фильмами на эко-тематику, участвовала в субботник
И24	ж	21	Живет с родителями и сиблингами	Студентка бакалавриата, волонтер	Устойчиво практикует PCO и zero waste, эко-активистка, основательница экологического клуба
И25	ж	24	Живет с родителями	Студент магистратуры	PCO (муниципальные контейнеры, «Собиратор»), ситуативно zero waste
И26	ж	29	Живет одна	Работает, автор блога на экологическую тематику	Устойчиво практикует PCO и zero waste, эксперт в области охраны окружающей среды

Большая часть интервью была проведена удаленно с помощью видеосвязи (Zoom, Skype) и аудиозвонков. Это связано прежде всего с тем, что полевой этап исследования пришелся на период пандемии коронавируса с марта 2020 г., сопряженной с требованиями физического дистанциро-

вания и особой обеспокоенностью индивидов рисками для здоровья при посещении общественных мест даже после снятий ограничений. Впрочем, поскольку полевой этап был начат в феврале 2020 г., первые беседы были проведены офлайн, что оказалось важным для проверки инструментария, улавливания невербальной реакции участников на тематику интервью и вопросы. В целом онлайн-формат сбора эмпирического материала не повлиял на его качество, в том числе благодаря свободному использованию технологий информантами.

В соответствии с традицией обоснованной теории инструментарий — гайд интервью — был гибкий, представляя собой ориентир для беседы, набор ключевых вопросов и кейсов для обсуждения (событий, персоналий), сформулированных на основе теоретической основы исследования. Однако каждое интервью было ведомо потоком нарратива информанта, а также стимулировало доработку первичной структуры гайда исходя из полученных инсайтов (Charmaz 2006: 113). Основные тематические блоки вопросов, работающие на раскрытие исследовательского вопроса:

- отношение к экологической повестке, теме заботы об окружающей среде; обеспокоенность экологическими проблемами;
- экологические установки и ценности;
- вовлеченность в реальные практики (история вовлеченности, стратегии реализации, доступ к инфраструктуре, планы и устремления при текущем отсутствии практик);
- основные аспекты мотивации практик; представления об экологической ответственности других акторов.

Метод анализа данных

Анализ полученных нарративов заключался прежде всего в построении на основе данных дополнения объяснительной схемы осмысления вовлеченности в практики заботы об окружающей среде на основе поэтапного кодирования данных (Charmaz 2006; Страусс, Корбин 2001). Вся работа с данными, кодирование проводилось вручную с использованием MS Word. Это обеспечило заданную традицией обоснованной теории первичность данных для производимых исследовательских выводов с их дальнейшей проверкой на корпус существующей теории. Кодирование проходило в несколько этапов — открытого, осевого и выборочного. Важно, что эти стадии не только последовательны, но и итеративны: исследователь последовательно перемещается между ними, сопоставляя данные между собой и развивая концепты из кодов и категорий.

В процессе сбора эмпирических данных также фиксировались заметки, в которых были отражены возникающие в процессе интервью инсайты и замечания для следующих интервью, корректировка инструментария. Они же стали основой для структурирования результатов и выявления ярких иллюстраций (Charmaz 2006). Фиксирование подробных заметок после проведения интервью, использование набора тематических блоков гайда, задающих стартовую структуру беседы, повысило надежность результатов (Рождественская 2014). Косвенные и уточняющие вопросы, освещение блоков беседы на разных ее этапах, процедура систематического кодирования нарративов, включение в выборку индивидов с различными социально-демографическими параметрами, степенью экологической вовлеченности — все эти процедуры позволили триангулировать данные и повысили их внутреннюю валидность.

Результаты исследования

«Сейчас или никогда» в заботе об окружающей среде

Рассуждения молодых людей об экологических рисках дают основание предположить, что обеспокоенность проблемами окружающей среды толкает их *по крайней мере задумываться* об экологической повестке. Экологические проблемы, как кажется молодым людям, угрожают личному благополучию, что становится значимой риторикой обсуждения взаимоотношений человека с окружающей средой. Им свойственно проецировать на себя последствия экологического кризиса, с разной степенью пессимизма подчеркивая разрушительность происходящих изменений. С одной стороны, обеспокоенность проблемами окружающей среды является вопросом происходящих *здесь и сейчас* негативных изменений.

Мне самой приятно, что я не увеличиваю масштабы свалок, пусть даже там по капельке. То есть для себя как бы душа спокойна, что я стараюсь хоть что-то сделать, чтобы уменьшить эти масштабы (ИЗ).

Как показывают нарративы, основные тревоги молодых людей направлены на будущее. Они выражают беспокойство за личные жизненные шансы, которое напрямую зависят от состояния окружающей среды и ставятся под угрозу дискуссиями о глобальном кризисе. Экологические риски расцениваются молодыми людьми как существенная угроза будущим жизненным шансам и здоровью, добавляют неопределенности будущему,

когда текучесть современности сама по себе становится испытанием гибкости и проактивности индивидов (Beck et al. 1994). Осведомленность о рисках стимулирует инкорпорировать в повседневность реальные практики заботы об окружающей среде.

Мне кажется, что лет через 20 все будет очень плохо с экологией и, как в Китае, когда будет смог, наверное, везде. И люди будут платить за чистый воздух (I1).

Для молодых людей настоящее в целом подчинено будущему, и ряд повседневных жизненных принципов направлен на обеспечение своих жизненных перспектив. Забота об окружающей среде является одним из них, стимулируя бережное и рефлексивное отношение к ней, повседневную вовлеченность в бытовые (раздельный сбор бытового мусора, минимизация отходов) и потребительские (zero waste, выбор зеленых брендов и товаров) экологические практики.

Лучше, да, чтобы это дальше не продолжалось. Мы сейчас ознакомились с проблемой: что бы мы сделали что-то сейчас, чтобы дальше этого не было. Скорее вот так. Сейчас или никогда. Лучше начать сейчас, но понемногу, чем потом, но применяя более какие-то ужасные меры, о которых даже не хочется задумываться (I10).

Особенно ярко это проявляется, когда молодые люди противопоставляют себя более старшими возрастными группами, имеющими образ «упертых, пассивных», сомневающих в актуальности и остроте темы. Старшие поколения, по убеждению молодых людей, «варятся в собственных вопросах и проблемах» и не принимают во внимание грядущие угрозы, в потенциале имеющие «эффект разорвавшейся бомбы, живут, как им хочется и как им удобно».

Но какой причине сами молодые люди готовы пожертвовать личным удобством, «заморочиться» и «сохранить все-таки планету»? Освещаемые в публичных дискуссиях и научном сообществе экологические проблемы позиционируются как продукт индустриальной деятельности человека, накопленной за многие десятилетия, в то время как их обострение ожидается в период пика жизненной активности нынешней молодежи. Осознавая это, молодые люди проговаривают столкновение с угрозой, созданной не лично ими. Более того, они заявляют о своих попытках вкладываться в предотвращение рисков, причиной которых стала активность предыдущих поколений, полагающих, по мне-

нию молодых людей, «на меня еще хватит» и «не желающих заморачиваться».

Толчком становятся увиденные в медиа картины разрушенной природы (например, горящие леса и съедающие пластиковые пакеты черепахи), затрагивающие эмоциональные компоненты экологической установки. Близкие к личному опыту угрозы дополняют усвоенные моральные принципы в отношении окружающей среды: уважение к природе, категории аккуратности, дисциплинированности, осознание того, что «на этой планете не одни мы».

И естественно вот это воспитание с самого детства не мусорить на улице. А всему остальному ты уже начинаешь учиться вот в осознанном возрасте, немножечко понимая масштабы, которые могут произойти, если там... И уже потихоньку начинаешь осознавать все эти вещи и пользоваться, как-то помогать природе (И8).

«Стать экологичным»:

нормализация экологичности в нарративах молодых москвичей

Молодым людям, согласно нарративам, свойственно яркое чувство несправедливости в восприятии экологической проблематики, возмущение насчет прагматичной и материалистичной российской реальности, в которой забота о среде противопоставлена экономическому росту. Их запрос на экологическую ответственность оказывается в конфликте с социокультурными реалиями российского общества: сами молодые люди ориентируются на модели западных стран, для жителей которых экологическая повестка является, в представлениях молодых людей, более серьезным делом и укоренена в позиции гражданина. Так, установка на заботу об окружающей среде, особенно в формате западных моделей, оказывается маркером «цивилизованного общества», нормой культурного и воспитанного человека.

Когда-то давно я почитал о том, как живут развитые страны с такой повесткой, как Финляндия, Швеция, Норвегия и мне просто понравилось, что так может быть вселенски. <...> Я понял, что это не просто какая-то прихоть людей, то есть им захотелось, это действительно помощь окружающей среде, это действительно помощь себе и, собственно, своим потомкам, чтобы наши города и улицы не превращались в свалки (И2).

Как показывают данные, забота об окружающей среде становится для них повседневной повесткой, само собой разумеющимся элементом

поведения, встраивается в обыденный ход жизни. Она ожидается от индивидов не в отрыве от обыденности «на баррикадах», но в быту. Вместе с тем опривычивание экологической активности не только упрощает механику практик (например, с течением времени они автоматически моют перерабатываемую упаковку и кладут ее в отдельный контейнер), но и позволяет вынести за скобки тревоги насчет окружающей среды.

Молодые люди отмечают значимость как прагматических мотивов (например, беспокойство за будущее, стремление жить в чистоте и комфорте) или хозяйственной рациональности (например, экономия воды или электроэнергии в быту), так и моральных ориентиров: допустимы ли для него/нее действия, наносящие ущерб планете, и как в заботе об окружающей среде выражается общая рефлексивность, надежность личности. В итоге обоснования практик заботы об окружающей среде оказываются множественными, дополняя друг друга и формируя рядоположенные паттерны осмысления заботы об окружающей среде с позиции формальной рациональности и ценностных ориентиров, утилитарных и моральных мотиваций. Для них важна ответственность каждого человека перед природой и за нее, «четкая собственная позиция» и личные усилия внести позитивный вклад в защиту окружающей среды (или минимизировать негативное влияние на нее). Эти паттерны повседневного поведения проявляются в нарративах молодых людей как ожидание и элемент современного человека и гражданина. Установка на ответственность «за самих себя и за пространство вокруг себя» предполагает и рефлексивное взаимодействие с окружающей средой.

Ты хозяин! Ты хозяин — ты ответственный. То есть ответственный не кто-то другой, а ты тоже ответственный. Ты активный участник. То есть твоя роль, она тоже значима. И показать просто последствия твоей безответственности, скажем, в экологии. <...> А если ты как потребитель безответственный, просто потребить и не дать основу для будущего, то... Я думаю, это безответственно, и такие люди, у них проблемы не только с экологией (И14).

«Не быть пассивным в этом мире»

Для молодых людей экологическая вовлеченность не ограничивается способностью к рефлексии о важности темы, культурой и грамотностью. «Настоящая» проэкологичность не просто маркируется по выраженности заявляемого человеком принципа «природу нужно уважать» или эмоциональностью по отношению к теме, но и оформляется в ре-

альном поведении, личном вкладе и готовности менять повседневные привычки.

Мне кажется, ну да, какое-то вот больше романтическое, да, было. Другое дело, что потом я понял, что это большая достаточно проблема и ну, эту проблему надо решать, как бы, да? И все это в наших руках — решать эту проблему или нет... (И1)

Формула «не что ты говоришь, а что ты делаешь» в отношении окружающей среды становится для молодых людей системообразующей, поскольку встраивается в образ жизни. Это больше, чем набор ситуативных действий, популярных в публичном поле: экологичность как стиль жизни предполагает для молодых людей связь систематичных практик с мировоззрением и моральными принципами, воспитанием, устойчивым следованием своим принципам. И молодые люди надеются сохранить приверженность экологичным паттернам поведения (в противовес некоторому юношескому увлечению) «во взрослой жизни». Ставя на весы комфорт настоящего и безопасность будущего, молодые люди принимают во внимание экологические риски как значимый и веский повод для смены паттернов поведения, которая благодаря активной стадии «жизненно-го поиска» не будет для них столь кардинальной. Им «ничего не стоит» перейти к экологичному образу жизни.

Интересно, как на практическом уровне эмоциональная реакция на экологические проблемы нередко противопоставляется рациональному восприятию темы: в нарративах молодых людей разведены романтическое переживание повестки и реальные шаги, направленные на ее регулирование. Практика — это более сложный уровень проявления и реализации себя в социальном пространстве. Более того, индивидуальные действия становятся важны еще и кумулятивно: как и загрязнение окружающей среды, их эффект оказывается накопительным, когда итогом экологичного поведения каждого человека становится общее улучшение качества окружающей среды.

Это (вовлеченность в РСО) дает тебе уверенность, надежду в том, что ты делаешь это не просто так, что это помогает. И ну и, как я сказала, помогает не только тебе, но и другим людям, и в том числе это помогает нашей стране и планете (И8).

Собственная экологическая активность осмысливается молодыми людьми как часть вклада в совместное сохранение окружающей среды. В этом

высвечивается их стремление «найти единомышленников» в заботе о среде, желание участвовать в глобальной повестке и в реальных изменениях в локальном пространстве, например на уровне домохозяйства, двора, университета.

Масштаб экологического действия для молодых людей оказывается не так значим: они убеждены, что существенно даже «малое элементарное участие», поскольку оно становится «эффектом бабочки» для охраны окружающей среды. Наиболее конвенциональные среди молодых людей «элементарные экологические действия» — раздельный сбор мусора (принятая в Москве система или более сложное обращение к услугам проекта «Собиратор»), утилизация отдельных видов отходов (использованные батарейки и лампочки, пластиковые, крышки, пластик, текстиль). Также для них принципиально «не усугублять» своими решениями проблемы окружающей среды: для этого практикуется отказ от лишней упаковки, ремонт вещей и их вторичное использование (recycling и upcycling). «Минимизация своего индивидуального экологического следа» позволяет индивидам дистанцироваться от неэкологичного образа жизни, «не быть причастным к балагану, что творится со свалками».

Моя инициативность направлена на то, чтобы минимизировать свой вклад в это. Ну то есть в экологию, в ухудшение экологической ситуации. Делать что-то большее я сейчас не могу (И16).

Эффективным и комфортным механизмом экологической вовлеченности также выступает потребление: покупка использованных товаров, zero waste (потребление с минимумом отходов на протяжении всего цикла производства и использования блага), потребление этических брендов, антиконсьюмеризм становятся индивидуализированными способами проявить экологичность.

Меня сестра, например, попросила купить бананы. Она такая: «В упаковке купи». Да фиг тебе, никогда я не куплю бананы в упаковке! Я ей говорю: «Ты что, серьезно? Вот зачем? Ну, зачем?» Это, я не знаю... Это понимание должно быть того, что ты оставляешь после себя (И25).

Для молодых людей именно практическая вовлеченность маркирует «хорошего человека» в современном социальном порядке. Экологические практики видятся не как повинность, но как реальная возможность для обычных людей и «абсолютно нормальная практика». «Маленькие,

элементарные способы» экологического поведения упрощают повседневное понимание заботы об окружающей среде, что, вероятно, подчеркивает демократизацию и нормализацию вовлеченности.

И люди даже подумать не могут, что, во-первых, они значимы в экологии, реально значимы, а не просто какие-то красивые лозунги, да? А реально значимы, они реально могут что-то сделать, что одна капля в море — это уже круто... (И9)

Мы предлагаем назвать описываемый экологически ориентированными молодыми людьми ориентир современного субъекта *homo ecologicus*, в набор ценностей и качеств которого входят рефлексивность, проактивность, ответственность и предпринимаемые индивидом шаги в помощи окружающей среде, бережная хозяйственность как принцип повседневности. Эти качества, по убеждению молодых людей, структурируют повседневность вполне обычного современного человека как в домене заботы об окружающей среде, так и в других сферах жизни.

«Малый, но личный вклад»

Важно, что молодые люди не только проецируют образец «человека экологического» на других социальных акторов, но и отмечают его как референт собственных практиках. Активно действующий в новом социальном порядке актор *homo ecologicus* выступает для молодых людей ориентиром в мышлении и практической деятельности, к которому они стремятся в своем стиле жизни и комплексе установок. По их убеждению, экологический человек — «человек простой», и образ жизни, мозаика ценностей и установок индивида приближают его к образцу.

Это возможно благодаря нормализации и рутинизации проэкологического дискурса и реальной активности по заботе об окружающей среде в повседневности человека. Следуя логике малых дел, элементарное участие эффективно встраивает повседневную экологическую активность в привычную рутину, сохраняя при этом моральную ориентацию на заботу об окружающей среде как «нормальную практику». Так молодые люди выстраивают экологичный стиль жизни. «Сделать хоть что-то» является более эффективным и достойным сценарием, «нежели не делать ничего» и пассивно наблюдать экологический кризис.

Ты вот сидишь в своем прекрасном уютном мирке, а свалки далеко, тебя это не касается. Воздух ты не видишь. Поэтому значи-

тельной части населения все равно. В мегаполисах люди не видят, им все равно (И5).

Для молодых людей вовлеченность в заботу об окружающей среде мыслится через личный поток повседневности: моральные нормы, понятие совести, желание помочь окружающей среде. Тем самым практики укоренены в работе над собой, поскольку они проецируют на себя ориентир «человека экологического» и стремятся к нему. Возможность принимать решения вопреки принуждениям, ограничениям, запретам или фатализму становится для них фундаментальным принципом осуществления жизненных выборов. В частности, внутреннее обязательство в заботе об окружающей среде в практиках молодых людей «не убивает, а побуждает идти и стремиться». Значимое для молодых людей наполнение заботы об окружающей среде смыслами ответственности и рефлексивности позволяет им обнаружить свою гражданственность и проактивность, обрести реальные инструменты влияния на повестку и ощущение контроля.

И в какой-то момент происходит такой щелчок в голове, и ты думаешь: «А точно ли все так плохо и нужно ли мне это?» Но потом возвращаешься все-таки в реальность и понимаешь: «Ну, да, это нужно делать, потому что кто, если не я!» (И8).

Для осмысления своего образа жизни для молодых людей первостепенна внутренняя мотивация, личная заинтересованность в сохранении окружающей среды. Внешнее принуждение хотя и стимулирует активность, но не является, по признанию молодых людей, справедливой, искренней стратегией и даже может пониматься другими акторами как «подмена понятия» и попытка «ущемить их свободу». Эта рефлексивность высвечивается в нарративах и на контрасте с осмыслением экологических практик взрослыми поколениями (когортой бабушек и дедушек информантов). В опыте последних есть практики, внешне распознаваемые как проэкологические (сортировка стекла и металла, использование многоразовых сумок, регулярное участие в субботниках), однако субстантивно они не ассоциируются с экологическими ценностями и обоснованы скорее нуждой, дефицитом и экономией в условиях плановой экономики либо сильным внешним принуждением в советской риторике «надо, значит надо».

Я думаю, что это определенное мировоззрение, но это не что-то такое вот прям особенное локальное. Мне кажется, что в принципе,

любой человек, которому не все равно вообще на окружающее вокруг, он захочет в той или иной степени помочь (И15).

Более того, в комплексе повседневных привычек активная забота об окружающей среде становится существенным компонентом идентичности: в экологических практиках они стремятся конструировать себя как рефлексивного, ответственного, этичного человека в отношении окружающей среды.

Формируя представления о себе через заботу об окружающей среде, молодые люди скорее сфокусированы на ближайшем пространстве: месте проживания, учебы или работы. Это не только упрощает реализацию экологической активности, но и позволяет проектировать себя, выстраивать свою субъектность через значимую окружающую среду и заботу о ней. По индивидуальному экологическому следу и вовлеченность в практики заботы об окружающей среде как способах минимизировать или компенсировать ущерб молодые люди определяют себя в этом мире. Как показывают нарративы, они буквально проектируют себя, воспитывая и при этом актуализируя рефлексивность, инициативность, осознанность. Тем самым, принимая участие в экологической активности, они приближаются к описываемому образцу современного человека *homo ecologicus*.

Я бы это назвал атрибутом порядочного человека. То есть человек осознанный, который понимает, что и зачем он делает. Каждый видит это по-своему, что такое порядочный человек, но обычно это человек хороший, можно сказать. И если ты хороший, тогда ты должен вот в каком-то смысле нести ответственность за окружающую среду. И каждый человек хочет быть хорошим (И21).

Обсуждение результатов и ограничения исследования

В современную эпоху окружающая среда, как показывают исследования (Яницкий 2011; Pellow, Blehm 2013; Lemmens & Hui 2017), заявляет о себе не как условие существования и ресурс для хозяйственной деятельности, а как кризисы, на которые индивиды вынуждены реагировать (Beck, Ritter 1992). Это обнаруживается в публичных дискурсах, политических решениях и повседневных практиках индивидов, и экологически ориентированные молодые люди, как показывают эмпирические данные, репрезентируют динамику отношений человека и окружающей среды, предвзявляя запрос на новый социальный порядок.

В повседневности молодых людей практики заботы об окружающей среде приобретают очень эклектичные обоснования. У них выражено

осознание пределов роста, критика потребительского отношения к природе и противопоставления человека природному миру. Биоцентричные ценности задают вектор отношения к среде и формируют поведенческие паттерны (Catton, Dunlap 1978). Приближению к экологической модели поведения способствует и усвоение ценностей самовыражения, свободы и качества жизни (Abramson, Inglehart 1995). Поэтому на примере молодых проактивных людей можно отметить признак культурной эволюции (Инглхарт 2018). В представлениях экологически ориентированных молодых людей дискурс заботы об окружающей среде инкорпорирован в вопросы об идентичности («какой я человек») и связанной с ней локальностью («какой я хочу видеть среду вокруг себя»), а прагматика в заботе о среде как заботе о себе тонко вплетена в моральный порядок.

Вместе с тем, осмысляя отношения человека и окружающей среды, молодые люди все же апеллируют к парадигме антропоцентризма, хозяйствования человека в окружающей среде. Однако к ней более «нельзя относиться потребительски», и в риторике прав человека на среду происходит, с позиции молодых людей, значимый сдвиг от хищнического, расточительного, краткосрочного использования планеты как источника ресурсов к заботе и ответственности. В своем осмыслении отношений с окружающей средой молодые люди конструируют новый социальный порядок и тем самым двигают границы нормы, релевантные для значимой для них картины мира (Девятко 2016).

Амбициозность и проактивность молодых людей усиливают восприимчивость к транслируемым в публичном поле установкам на самореализацию, личностное развитие и процветание (Matza 2012). Важно, что понятие выгоды от заботы об окружающей среде не формулируется в сугубо утилитарном ключе (как, например, реальное улучшение качества воздуха при отказе от личного автотранспорта или меньшая замусоренность территорий) (Stern 2000), а мыслится как справедливый доступ к приемлемой для жизни среде. Биоцентричные ценности и прагматические ориентации, свойственные молодым людям, установки на защиту собственного будущего, успеха и благополучия отражают их гражданский запрос на качество жизни. Обоснования практик заботы об окружающей среде оказываются укорены в нарративах молодых людей в категории гражданственности, активной позиции по отношению к миру, готовности участвовать в глобальной повестке через осуществление реальных позитивных изменений в своем локальном пространстве (Нартова 2019).

Таким образом, в повседневной активности, бытовых и потребительских практиках, следующих принципам экологической ответственности, приоб-

ретаются агентность как способность принимать лично значимые и обоснованные решения в рамках заданной социальной структуры (Сорокин, Фрумин 2020). Она, как кажется молодым людям и как освещается в современных публичных дискуссиях, является основой социальных изменений. Они говорят о том, что надеются в первую очередь на себя, противопоставляя личную индивидуализацию и рефлексивность пассивности населения и государства (Welch, Warde 2010; Гудков и др. 2020).

В то же время в действительности зона индивидуальной ответственности молодых людей в заботе об окружающей среде ограничена, поскольку они обладают ограниченными ресурсами (в широком понимании: финансовыми, временными, личностными, инфраструктурными), тогда как экологическая проблематика имеет глобальный характер. Современные академические и публичные дискуссии все чаще ставят под вопрос эффективность логики малых дел и «зеленого потребления» для реализации изменений в охране окружающей среды (Maniates 2001; Evans et al. 2017). В представлениях молодых людей эти практики значимы как механизм конструирования идентичности ответственного потребителя (Soneryd, Uggla 2015; Rudel et al. 2011), однако ответственность за сохранение окружающей среды оказывается распределенной между различными социальными и институциональными акторами. Об этом говорят сами индивиды, ожидая поддержки со стороны государства, бизнеса, некоммерческих организаций. Этот аспект экологической вовлеченности остался за рамками нашего исследования, однако ему необходимо уделить внимание в исследованиях и обсуждении тематики в публичном поле. С одной стороны, их вовлеченности в экологические практики способствует больший накопленный объем знаний и компетенций, осведомленность о проблемах и способах бережного отношения к окружающей среде, экологическая культура, о недостатке которой говорят исследования инвайронментализма в России и СНГ (Аксенова 2011; Курбанов, Прохода 2019) и массовые опросы (Чистый воздух — наше все 2020). С другой стороны, повседневная экологическая активность не только способ индивидуально управлять рисками и проблематизировать их через себя (Giddens 1991), но и площадка для обретения и реализации агентности. В присущей современному обществу сложной мозаике стилей жизни практики заботы об окружающей среде, вероятно, выступают механизмом конструирования, осмысления и презентации себя в мире (Ариф 2019; Spaargaren 2003; Welch, Warde 2010).

Необходимо также отметить, что за декларированием индивидами своей обеспокоенности экологической проблематикой могут стоять эгоистические мотивы социального одобрения от вовлеченности в жела-

тельную в данной группе практику (Starr 2009; Stern 2000). Впрочем, по признанию молодых людей, обоснования входа в экологическую активность могут быть различными. Эгоистический или альтруистический компоненты не обесценивают биоцентричное стремление «защитить природу»: главное, чтобы своими действиями человек вносил вклад в общую экологизацию общества. Об этом на примере раздельного сбора отходов говорит М. Шабанова, приходя к выводу, что экологические установки и практики взаимно формируют друг друга, а не только ценностный компонент определяет вовлеченность (Шабанова 2019).

Выявленный в представлениях молодых людей *homo ecologicus* — аналитический идеальный тип и желаемая в картине мира индивидов модель современного человека. Отстаиваемая в работе позиция социального конструктивизма обозначила довольно оптимистичную схему осмысления экологической вовлеченности, указывая не только на реальный опыт проактивных молодых людей, но и на видимый ими идеал практической экологичности в своей повседневности и в российском обществе. В фокусе нашего исследования была не реальная вовлеченность молодых москвичей в экологические практики, но понимание ими проблематики с позиции своего повседневного опыта. В продолжение выводов исследования стоит включить в выборку экспертов из различных сфер политики охраны окружающей среды: управленцев, климатологов, медиков.

Заключение

В работе была предпринята попытка реконструировать обоснования повседневных практик заботы об окружающей среде, транслируемые экологически ответственными молодыми москвичами: что для них значимо и справедливо в заботе об окружающей среде в контексте личного жизненного мира, каким образом это позволяет объяснить социальный порядок. Как показывают данные, молодые люди более рефлексивны в своих отношениях с окружающей средой и критичны к тому, какую роль человек играет в ее разрушении или, напротив, сохранении. Для изученной группы экологическая осознанность и вовлеченность в практики заботы об окружающей среде выступает существенным элементом представлений о современном социальном порядке и идеале современного субъекта. По убеждению молодых людей, вовлеченность в реальные практики заботы об окружающей среде маркирует ценностный комплекс и образ жизни современного «хорошего, правильного человека» и гражданина.

В представлениях молодых москвичей повседневная экологическая активность проистекает из личного интереса и ответственности в риторике «кто, если не я», что наделяет индивидов агентностью: способностью

отстаивать свои интересы и установки в заботе об окружающей среде, дает свободу личных начинаний в значимой сфере. Лично вовлекаясь в малые, встроенные в поток жизненного опыта практики молодые люди активно конструируют свою субъектность, приближаясь к описываемой ими модели *homo ecologicus* и претендуя тем самым на статус «хорошего человека» и гражданина в современном обществе. Для них существенно личное проэкологическое участие — минимальное, элементарное, но лично осмысленное и рефлексивное.

Как показывают результаты, для молодых людей экологическая осознанность и вовлеченность сопряжена с целым комплексом обоснований: в нем сосуществуют биоцентричные и эгоистические мотивы, прагматическая риторика заботы о личном будущем как реакция на усугубления экологического кризиса и моральные императивы личной ответственности и гражданственности, которыми руководствуются индивиды в своей повседневности. В своих нарративах молодые москвичи выражают комбинацию ценностей, укорененных в социальных образцах советского, современно российского и западного обществ. Вектор осмысления ими отношений с окружающей средой выражает дискурс антропоцентризма, приобретая при этом более рефлексивные и ответственные черты хозяйствования человека на планете. Выявление конфигурации ценностей, формирующих экологическую вовлеченность молодых людей, кажется важным и продуктивным направлением дальнейших исследований с точки зрения как продолжения формирования объяснительной схемы участия молодежи в заботе об окружающей среде, так и практического применения результатов исследования.

Видимые индивидами в ситуации неопределенности сценарии будущего (*imagined futures*) оформляют их отношение к ситуации, ожидания и реальные действия (Beckert, Bronk 2019). Тем самым своей активностью они инвестируют в реализацию воображаемых сценариев будущего. Молодые москвичи в своих нарративах говорят, что им свойственен «пессимистичный настрой, но он с положительной надеждой на будущее». В связи с этим установка на проактивность и инициативность, вероятно, стимулирует не закрываться от проблем окружающей среды, а оформляет проэкологические практики. Выявленный идеальный тип современного субъекта *homo ecologicus*, описываемый молодыми людьми, выступает для них ориентиром в повседневной деятельности. Можно предположить, что, стремясь к нему, они действительно могут стать локомотивом проэкологичных социальных изменений в современном обществе. Благодаря своей рефлексивности и обеспокоенности вопросами окружающей среды молодые выступают примером реализации бытовых повседневных практик заботы об окружающей среде, стремясь

к «лучшему» варианту общества и отдельного субъекта и транслируя экологическую повестку.

Вероятно, в пределе гражданский запрос молодых людей и стремление «найти единомышленников» через экологическую активность становятся основанием для выстраивания низовых инициатив и локальных сообществ, сформированных по принципу общих ценностей. Более того, эта повестка выступает альтернативным способом политического участия и формулирования запроса власти в условиях ограниченной политической репрезентации. Вокруг экологических дискуссий тем самым пересобираются властные отношения, появляются альтернативные лидеры, чьи голоса слышимы и значимы для молодых людей, формируются низовые сообщества и реализуется гражданский потенциал, что кажется важным на фоне слабого развития в России институтов гражданского общества (Богомолова и др. 2017). Это составляет, на наш взгляд, продуктивное направление дальнейшей работы.

Благодарности

Автор работы признателен научному руководителю Е. С. Бердышевой за научное руководство и ценные идеи, замечания и комментарии в процессе написания работы, а также сотрудникам Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за обсуждение проекта.

Литература

Аксенова О.В. (2011) Иллюзия экологической модернизации. *История и современность*, 2: 103–113.

Ариф Э.М. (2019) Потребление в среде молодых активистов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 66–83.

Аутио М., Хейсканен Е., Хейнонен В. (2014) Нарративы «зеленых» потребителей: антигерой, экогерой и анархист. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 2: 19–34.

Богомолова Е.В., Галицкая Е.Г., Кот Ю.А., Петренко Е.С. (2017) Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики. *Мир России*, 26(1): 180–197.

Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) *Теория практик*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гаврилов К.А. (2007) Социологический подход к анализу риска. *Социологический журнал*, 3: 40–58.

Гидденс Э. (2003) *Устроение общества: очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.

Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Кочергина Е.В., Пипия К.Д., Рысева А. (2020) *Российское «поколение Z»: установки и ценности*. Фонд имени Фридриха

Эберга. [<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>] (дата обращения: 18.03.2021).

Девятко И.Ф. (2016) Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного. *Социологические исследования*, 12: 35–43.

Дуглас М. (2007) Окружающая среда и риск. *Социологическое обозрение*, 6(3): 37–48.

Инглхарт Р. (2018) *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

Курбанов А.Р., Прохода В.А. (2019) Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 347–370.

Нартова Н.А. (2019) Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей. *Социологические исследования*, 12: 38–47.

Радаев В. В. (2019) *Миллениалы: Как меняется российское общество*. Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.

Рождественская Е.Ю. (2014) Надежность качественных методов и качество данных. *ИНТЕР*, 1(8): 16–29.

Седова Н.Н. (2016) Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассивности. *Социологический журнал*, 22(2): 73–91.

Сорокин П.С., Фрумин И.Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*, 7(7): 27–36.

Страусс А., Корбин Д. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС.

Титаренко Л. Г. (2015) Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения. *Социологические исследования*, 2: 106–112.

Шабанова М.А. (2015) Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России. *Общественные науки и современность*, 5: 19–34.

Шабанова М.А. (2019) Социально-экономические практики населения как ресурс ослабления мусорной проблемы в России. *Социологические исследования*, 6: 50–63.

Яницкий О.Н. (2003) Социология риска: ключевые идеи. *Мир России*, 12(1): 3–35.

Яницкий О.Н. (2011) *Экомодернизация России: теория, практика, перспективы*. М.: Институт социологии РАН.

Abramson P.R., Inglehart R. (1995) *Value Change in Global Perspective*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Redwood City, Calif.: Stanford University Press.

Beck U., Ritter M. (1992) Risk society: towards a new modernity. London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications.

Beckert J., Bronk R. (2019) *Uncertain Futures. Imaginaries, Narratives, and Calculative Technologies*. MPIfG Discussion Paper 19/10, Max Planck Institute for the Study of Societies.

Buttel F.H. (2003) Environmental Sociology and the Explanation of Environmental Reform. *Organization & Environment*, 16(3): 306–344.

Catton W.R., Dunlap R.E. (1978) Environmental sociology: A new paradigm. *The American Sociologist*, 13(1): 41–49.

Chappells H., Trentmann F. (2015) Sustainable consumption in history: Ideas, resources and practices. In: Reisch L.A. (eds.) *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 51–69.

Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California: Sage.

Dunlap R.E., Grieneeks J.K., Rokeach M. (1983) Human values and pro-environmental behavior. In: Conn W.D. (eds.) *Energy and material resources: Attitudes, values, and public policy*. Boulder, CO: Westview: 145–168.

Dunlap R.E., Mertig A.G. (1997) Global Environmental Concern: An Anomaly for Postmaterialism. *Social Science Quarterly*, 78(1): 24–29.

Evans D., Welch D., Swaffield J. (2017) Constructing and mobilizing ‘the consumer’: Responsibility, consumption and the politics of sustainability. *Environment and Planning*, 49(6): 1396–1412.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Redwood City: Stanford University Press.

Inglehart R. (1995) Public support for environmental protection: Objective problems and subjective values in 43 societies. *PS: Political Science and Politics*, 28(1): 57–72.

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*, 8(3): 239–260.

Lemmens P., Hui Y. (2017) Reframing the Technosphere: Peter Sloterdijk and Bernard Stiegler’s Anthropotechnological Diagnoses of the Anthropocene. *Krisis*, 2: 26–41.

Maniates M. F. (2001) Individualization: Plant a Tree, Buy a Bike, Save the World? *Global Environmental Politics* 1: 31–52.

Matza T. (2010) “Good individualism”? Psychology, ethics, and neoliberalism in postsocialist Russia. *American Ethnologist*, 39(4): 804–818.

Pellow D.N., Brehm H.N. (2013) An Environmental Sociology for the Twenty-First Century. *Annual Review of Sociology*, 39: 229–250.

Rudel T.K., Roberts J.T., Carmin J. (2011) Political economy of the environment. *Annual Review of Sociology*, 37: 221–238.

Soneryd L., Ugglå Y. (2015) Green governmentality and responsabilization: new forms of governance and responses to 'consumer responsibility'. *Environmental Politics*, 24(6): 913–931.

Spaargaren G. (2003) Sustainable consumption: a theoretical and environmental policy perspective. *Society & Natural Resources*, 16(8): 687–701.

Starr M.A. (2009) The social economics of ethical consumption: Theoretical considerations and empirical evidence. *The Journal of Socio-Economics*, 38(6): 916–925.

Stern P.C. (2000) New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3): 407–424.

Stern P.C., Dietz T., Abel T., Guagnano G.A., Kalof L. (1999) A value — belief — norm theory of support for social movements: The case of environmentalism. *Human Ecology Review*, 6(2): 81–98.

Welch D. Warde A. (2015) Theories of practice and sustainable consumption. In: Reisch L.A. (eds.) *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 84–100.

Источники

Глобальные проблемы экологии (2019) ФОМ [<https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281>] (дата обращения: 18.03.2021).

Забота об окружающей среде: хотим, но не можем? (2019) ВЦИОМ. [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9504>] (дата обращения: 18.03.2021).

Проблемы окружающей среды (2020) Левада-центр [<https://www.levada.ru/2020/01/23/problemu-okruzhayushhej-sredy/>] (дата обращения: 18.03.2021).

Состояние экологии и включенность в экологические практики (2018) ФОМ [<https://fom.ru/Obraz-zhizni/14146>] (дата обращения: 18.03.2021).

Чистый воздух — наше все: экология в понимании россиян (2020) НАФИ [<https://nafi.ru/analytics/chistyuy-vozdukh-nashe-vse-ekologiya-v-ponimani-rossiyan/>] (дата обращения: 18.03.2021).

Экологический путь России должен стать передовым. Задачи 2019 года нацпроекта «Экология» по регионам представлены в СФ РФ (2019) Минприроды России. [http://www.mnr.gov.ru/press/news/ekologicheskij_put_rossii_dolzhen_stat_perehovym_zadachi_2019_goda_natsproekta_ekologiya_po_regionam/] (дата обращения: 18.03.2021).

#YouthStats: Environment and Climate Change. *Secretary-General's Envoy on Youth* [<https://www.un.org/youthenvoy/environment-climate-change/>] (дата обращения: 18.03.2021).

About UN Environment Programme. *United Nations Environment Programme* [<https://www.unenvironment.org/about-un-environment>] (дата обращения: 18.03.2021).

Atlas of European Values [<https://www.atlasofeuropeanvalues.eu/maptool.html>] (дата обращения: 18.03.2021).

**HOMO ECOLOGICUS:
DAILY PRO-ENVIRONMENTAL PRACTICES
AS AN ATTRIBUTE OF THE MODERN SUBJECT
IN THE UNDERSTANDING OF YOUNG MUSCOVITES**

Daria Lebedeva (dlebedeva@hse.ru)

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Citation: Lebedeva D. (2021) Chelovek ekologicheskii: povsednevnyye praktiki zaboty ob okruzhayushchey srede kak atribut sovremennogo sub"yektka v predstavleniyakh molodykh moskvichey [Homo ecologicus: daily pro-environmental practices as an attribute of the modern subject in the understanding of young Muscovites]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 110–143 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.5>

Abstract. This paper deals with the problem of the youth engagement in everyday pro-environmental practices. Reconceptualization of the relationship between nature and society, the increase of environmental problems and their active public discussion encourage individuals to change their everyday practices, embedding in them the principles of careful, responsible attitude to the environment. Unlike many developed countries, in Russia the environmental agenda remains on the periphery of public debate and civic involvement. Still, there is a group of citizens who are more responsive to environmental issues and values, being proactive in daily pro-environmental behaviour. It is largely represented by young people under 30 years old who are ready to put efforts into caring for the environment despite the wasteful attitudes towards nature, poorly developed ecological culture and infrastructure, dominant in the Russian public discourse. In this regard, the present study raises up the question of what, according to the understanding of young people, motivates them to participate in the daily practices of caring for the environment. Aiming to reconstruct the core justifications which young people apply to their everyday ecological practices from the perspective of their life experience, the qualitative methodology is applied. The results of the research are based on the 26 semi-structured in-depth interviews with young Muscovites aged 16–30 years old, collected and analyzed by strategy of grounded theory. Obtained results showed that in the perceptions of young people, environmental engagement is a crucial moral and pragmatic norm of the modern social order, and the individual's awareness in relations with the environment, while maintaining the rhetoric of anthropocentrism, expresses the stewardship as an active responsibility. For young people, ecological activity constitutes an attribute of the 'good person' of modernity *homo ecologicus*, marking one's values and lifestyle. By personal practices of caring for the environment they acquire agency and comprehend themselves and their place in the world. Yearning to the ideal modern social actor *homo ecologicus*, young people constitute their subjectivity.

Keywords: environmental sociology; pro-environmental practices; ecological behavior; agency; subjectivity; grounded theory; qualitative research.

References

- Abramson P.R., Inglehart R. (1995) *Value Change in Global Perspective*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Aksenova O.V. (2011) Illyuziya ekologicheskoy modernizatsii [The illusion of ecological modernization]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 2: 103–113 (in Russian).
- Arif E.M. (2019) Potreblenie v srede molodykh aktivistov [Consumption among young activists]. *Monitoring Obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 1: 66–83 (in Russian).
- Autio M., Heiskanen E., Hejnonen V. (2014) Narrativy «zelyonykh» potrebitel'ej: antigeroy, ekogeroj i anarchist [Narratives of Green Consumers: Antihero, Ecohero, and Anarchist]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovanij* [Labyrinth. Journal of social and humanitarian studies], 2: 19–34 (in Russian).
- Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Redwood City, California: Stanford University Press.
- Beckert J., Bronk R. (2019) *Uncertain Futures. Imaginaries, Narratives, and Calculative Technologies*. MPIfG Discussion Paper 19/10, Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Bogomolova E.V., Galickaya E.G., Kot Y.A., Petrenko E.S. (2017) Povsednevnost' rossijan: grazhdanskije i potrebitel'skie praktiki [Everyday life of Russians: civil and consumer practices]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 26(1): 180–197 (in Russian).
- Catton W.R., Dunlap R.E. (1978) Environmental sociology: A new paradigm. *The American Sociologist*, 13(1): 41–49.
- Chappells H., Trentmann F. (2015) Sustainable consumption in history: Ideas, resources and practices. In: Reisch L. A. (eds.) *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 51–69.
- Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California: Sage.
- Devyatko I.F. (2016) Social'nye normy: ot popytok opredeleniya k novym tipam teoreticheskikh voprosov i teorij normativnogo [Social norms: from defining attempts to new types of theoretical questions and theories of normative]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 12: 35–43 (in Russian).
- Douglas M. (2007) Okruzhayushchaya sreda i risk [Environment and risk]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 6(3): 37–48 (in Russian).
- Dunlap R.E., Grieneeks J.K., Rokeach M. (1983) Human values and pro-environmental behavior. In: Conn W.D. (eds.) *Energy and material resources: Attitudes, values, and public policy*. Boulder, CO: Westview: 145–168.
- Dunlap R.E., Mertig A.G. (1997) Global Environmental Concern: An Anomaly for Postmaterialism. *Social Science Quarterly*, 78(1): 24–29.
- Evans D., Welch D., Swaffield J. (2017) Constructing and mobilizing 'the consumer': Responsibility, consumption and the politics of sustainability. *Environment and Planning*, 49(6): 1396–1412.
- Gavrilov K.A. (2007) Sociologicheskij podhod k analizu riska [Sociological approach to risk analysis]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 3: 40–58 (in Russian).

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Redwood City: Stanford University Press.

Giddens E. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [Organization of society: An outline of the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij Proekt [Moscow: Academic Project.] (in Russian).

Gudkov L.D., Zorkaya N.A., Kochergina E.V., Pipiya K.D., Ryseva A. (2020) *Rossijskoe «pokolenie z»: ustanovki i cennosti* [Russia's 'generation Z': attitudes and values]. Fond imeni Friedricha Eberta [The Friedrich-Ebert-Stiftung]. [<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>] (accessed: 10.01.2021) (in Russian).

Inglehart R. (1995) Public support for environmental protection: Objective problems and subjective values in 43 societies. *PS: Political Science and Politics*, 28(1): 57–72.

Inglhart R. (2018) *Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution, People's Motivations are Changing, and Reshaping the World]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*, 8(3): 239–260.

Kurbanov A.R., Prokhoda V.A. (2019) *Ekologicheskaya kul'tura: empiricheskaya proekciya (otnoshenie rossiyan k izmeneniyu klimata)* [Ecological culture: an empirical projection (attitudes of Russians towards climate change)]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 4: 347–370 (in Russian).

Lemmens P., Hui Y. (2017) Reframing the Technosphere: Peter Sloterdijk and Bernard Stiegler's Anthropotechnological Diagnoses of the Anthropocene. *Krisis*, 2: 26–41.

Maniates M.F. (2001) Individualization: Plant a Tree, Buy a Bike, Save the World? *Global Environmental Politics*, 1: 31–52.

Matza T. (2010) "Good individualism"? Psychology, ethics, and neoliberalism in post-socialist Russia. *American Ethnologist*, 39(4): 804–818.

Nartova N.A. (2019) *Grazhdanstvennost' v predstavlenii peterburgskoj molodyozhi i ih roditelej* [Citizenship as Understood by St. Petersburg Young People and Their Parents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 12: 38–47 (in Russian).

Pellow D.N., Brehm H.N. (2013) An Environmental Sociology for the Twenty-First Century. *Annual Review of Sociology*, 39: 229–250.

Radaev V.V. (2019) *Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes] Moscow: Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Rozhdstvenskaya E.Y. (2014) *Nadezhnost' kachestvennyh metodov i kachestvo dannyh* [Reliability of qualitative methods and data quality]. *INTER*, 1(8): 16–29 (in Russian).

Rudel T.K., Roberts J.T., Carmin J. (2011) Political economy of the environment. *Annual Review of Sociology*, 37: 221–238.

Sedova N.N. (2016) *Zhiznennye tseli i strategii rossiyan: kontekst passionarnosti* [Life goals and strategies of Russians: the context of passionarity]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 22(2): 73–91 (in Russian).

Shabanova M.A. (2015) *Etichnoe potreblenie kak innovacionnaya praktika grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Ethical Consumption as an Innovative Practice of

Civil Society in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 5: 19–34 (in Russian).

Shabanova M.A. (2019) Social'no–ekonomicheskie praktiki naseleniya kak resurs oslableniya musornoj problemy v Rossii [Citizens' Socio-economic Practices as a Resource to Alleviate the Waste Issue in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 6: 50–63 (in Russian).

Soneryd L., Ugglä Y. (2015) Green governmentality and responsabilization: new forms of governance and responses to 'consumer responsibility'. *Environmental Politics*, 24(6): 913–931.

Sorokin P.S., Frumin I.D. (2020) Problema «struktura/dejstvie» v XXI v.: izmeneniya v social'noj real'nosti i vyvody dlya issledovatel'skoj povestki [“Structure/agency” problem in the 21st century: changing social reality and research implications]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 7(7): 27–36 (in Russian).

Spaargaren G. (2003) Sustainable consumption: a theoretical and environmental policy perspective. *Society & Natural Resources*, 16(8): 687–701.

Starr M.A. (2009) The social economics of ethical consumption: Theoretical considerations and empirical evidence. *The Journal of Socio-Economics*, 38(6): 916–925.

Stern P.C. (2000) New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3): 407–424.

Strauss A., Korbin D. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques]. Per. s angl. i posleslovie T. S. Vasil'evoj. Moscow: Editorial URSS (in Russian)

Titarenko L.G. (2015) Ekologicheskij aspekt obraza zhizni: osnovnye cennosti i tipy povedeniya [The ecological aspect of lifestyle: core values and behaviors]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 106–112 (in Russian).

Titarenko L.G. (2015). Tipy ekologicheskogo povedeniya: Homo ecologus vs. Homo consumer [Types of ecological behavior: Homo ecologus vs. Homo consumer]. *Sotsiologicheskij almanakh* [Sociological almanac], 6: 105–115 (in Russian).

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Welch D., Warde A. (2015). Theories of practice and sustainable consumption. In: Reisch L.A. (eds.) *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 84–100.

Yanitsky O.N. (2003) Sociologiya riska: klyucheveye idei [Sociology of Risk: Key Ideas]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 12(1): 3–35 (in Russian).

Yanitsky O.N. (2011) *Ekomodernizatsiya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva* [Eco-modernization of Russia: theory, practice, perspective]. Moscow: Institut sociologii RAN (in Russian).